

Злюся
РОМАНОВА

Спасая
сердца.
Иногда —
своё!

Реанимация
Любви

18+

романтическая
КОМЕДИЯ

Злюся Романова
Реанимация любви

«Автор»

2026

Романова З.

Реанимация любви / З. Романова — «Автор», 2026

Её цель — брак в 45. Методы — любые. Если придётся вести жениха в ЗАГС связанным по рукам и ногам — значит, так тому и быть! Но тут появляется... третий... нет, не тот кто запасной, и не третье колесо ... а третий который просто необходим в романе про сильную шикарную женщину!.

© Романова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Злюся Романова

Реанимация любви

Глава 1

В некотором царстве, в некотором государстве...

Наверное, так и стоило бы начать эту сказку. Но у нас тут не сказка, а скорее медицинская драма с элементами чёрной комедии, поэтому начнем иначе.

Итак, на одной зеленой-презеленой планете, в городе-миллионнике, в обычной городской больнице (ну, почти обычной — там, где делают сложные и очень сложные операции, а не только выписывают аспирин от взгляда начальства и отправляют в мир иной с улыбкой), работала одна женщина. И не просто женщина, а доктор. И не просто доктор, а целый реаниматолог — то есть специалист по тому, чтобы деликатно вытаскивать души из лапок ангела смерти и вежливо возвращать их обратно в тела. Иногда.

А вот и она бежит по коридору! Нет, не длинноногая блондинка, дефилирующая словно английская принцесса на благотворительном аукционе. И не тучная дама с волосатой родинкой на лбу, внушающая священный трепет и желание исповедаться.

Вон она — невысокая, слегка «в теле» (только, чур, не говорите ей об этом — как говорится, не плюй в колодец, а то ведь реаниматологи тоже люди, и у них есть доступ к медицинским иголкам... и фантазия).

И была у нее одна... нет, даже две примечательные особенности. И они так живописно колыхались в такт её стремительному бегу, что могли бы служить метрономом для всего отделения. Но вам на них лучше не засматриваться — помните про колодец. И про то, что она знает, куда можно аккуратно ввести иглу, чтобы надолго отбить охоту к комментариям.

Рядом с ней семенит молодой человек — ну, если сравнивать с её спелым возрастом, скорее мальчик лет двадцати с хвостиком. Наша героиня поправляет стетоскоп (который, к слову, тоже трясётся от её энергичной походки) и героически пытается не слушать жужжащего спутника.

А он, как назойливая муха: «Лидия Ивановна, ну я вас очень прошу...».

— Слушай, Петров, — обрывает она его, не сбавляя темпа. — Натворил дел?

— На-натворил, — проблеял «мальчик».

— Раз натворил, значит, отвечай. И не мотай мне нервы — у меня их и так уже лет двадцать как нет в товарных количествах. Я женщина опытная, с целым багажом фобий и одним универсальным советом: не тревожь лихо, пока оно тихо. А то разбудишь — и оно окажется твоим пациентом. Знаешь такую поговорку?

— А что же мне делать-то? — чуть не плачет Петров.

— Что делать? Смириться, сделать выводы и надеяться, что премию ты получишь хотя бы в следующем квартале. А вообще, не отличить живого человека от мертвого — это, знаешь ли... пошло. И чревато административными последствиями.

Сказав это, наша героиня виртуозным пируэтом растворяется в операционной, оставив незадачливого Петрова наедине с суровой реальностью длинного больничного коридора. Где-то на той самой зеленой планете.

А в операционной нашу героиню уже ждали.

Ну что, я в самом деле — героиня и героиня. Лидия Ивановна, или просто Лида. Сорока пяти лет — и не днем меньше. Но забываем про возраст и вспоминаем про колодец. Да, наша Лида такая: любой намек на её внешность или возраст — и вы в списке. Нет, не Forbes. В чёрном списке. А у врача реаниматолога высшей категории лучше быть в другом списке —

например, в списке на премию, а не в чёрном. Потому что её чёрный список имеет обыкновение материализоваться в виде ночного дежурства в праздник или внезапной командировки в морг для «обмена опытом».

Итак, наша Лида заходит в операционную. Народу — тьма, пациент — сложный. Хотя когда было по-другому? У Лиды всегда они сложные — других не дают. Видимо, руководство считает, что если уж отправлять к праотцам, то только с максимальным комфортом и под приглядом профессионала.

Она смотрит на кушетку, на мужчину на ней. Он весь в трубках и проводах, словно робот на перезагрузке. Приборы пищат, сотрудники больницы молчат... Кстати, а где заведующий? Она тут бежала, а его ещё нет. А кому ей глазки строить? А кому умные вещи говорить? Так дело не пойдет. Раз решила в 45 выйти замуж — так придется выходить.

А Аркадия Петровича мы спрашивать не будем. Его выбрала такая женщина — пусть выдохнет и смирится.

Шаги... А вот и наш Ромео, правда, он еще не знает, что он Ромео. А не надо на молодых медсестер тарачиться, когда перед глазами такая спелая клубничка?

— Добрый день, Лидия Ивановна.

— Добрый, — откликается наша героиня, и в её голосе — лёгкая хрипотца от бега и лет эдак двадцати профессионального стажа.

— Есть предложения? — Серые глаза Аркадия Петровича неотрывно смотрят на Лиду. И есть почему — голова-то у нее светлая, и я не только про цвет волос, а про мысли, которые в ней блуждают.

И тут наша светлая голова открывает рот — и как давай предлагать... Ну просто бери блокнот и записывай! Но у Аркадия Петровича хорошая память. Он кивает головой и всё запоминает на свой жесткий мозговой диск.

Потом они подходят к пациенту, к тому, который весь в проводах и трубках. Седеющие виски, мужественное лицо. По карте — ему 50. Вполне возможно, но от него веет такой силой... Еще бы! Медсёстры где-то узнали, что больной — капитан первого ранга. Серьёзно. Ну, правда, звучит солидно.

А наша Лида знала всё и ничего о моряках. Знала, что они сильные и крепкие, остроумные и смекалистые... В общем, стержень в них с рождения... А откуда она знала? Да так — наша Лида из приморского городка, Владивостоком, который зовут. А там что? А там корабли и моряки. А еще Сергей... Да, Сергей был моряком. Черная форма, погоны, подводная лодка «Волхов». Эх, воспоминание... Десять лет прошло, а как вчера. Как вчера он вышел в море — и не вернулся. А море, оно ведь не больница — трупы не возвращает.

Глава 2

Операция прошла успешно. Даже слишком успешно — пациент явно оценил титанические усилия по возвращению его с того света и нагло отказывался умирать. В общем, капитан первого ранга переехал на несколько дней под бдительный взгляд нашей Лиды. Проводов и трубок на нём поубавилось, и теперь нашего «морского волка» можно было рассмотреть во всех деталях. Но Лида не рассматривала. Ей было некогда — личная жизнь, как водится, настигла врасплох.

А именно: у её подруги Леры случилась свадьба. Да-да, именно так — классический сюжет: сначала секс в подсобке (видимо, для антуража), потом пара необдуманных поступков, а затем — о, ирония судьбы! — свадьба. Лида не знала подробностей. Она свято блюла личные границы. Особенно свои. Чужой адреналин её не интересовал (почти) — своего хватало.

На свадьбе было хорошо.

Потом — ещё лучше.

Потом — провал в небытие и утро, которое явно заслуживало выговора без кондиций и с пожизненным запретом на жульен.

Она, по обыкновению, грешила на салат, но вовремя осознала: он тут ни при чём. Всему виной тот самый жульен. Он, если прислушаться к памяти, подозрительно кислил — словно предупреждал: «Не ешь меня, дура!». Но кто ж его послушал...

Свадьбу, впрочем, отметили, как полагается. Георгий, новый муж Леры, оказался мужчиной что надо. Стержень в нём чувствовался — не то, что в Диме (бывшем муже Леры, который стержнем и не пах). А Лида уважала мужчин со стержнем. Поэтому в свои сорок пять и была не замужем. Стержни не попадались — попадались одни Славики.

Ну, это её муж. Бывший. Женаты они были недолго. Месяца три, плюс-минус. А потом Лида узнала, что беременна. И не просто беременна, а беременна близнецами. Славик тоже узнал. Видимо, впечатлился — и подал заявление в загс о разводе.

А Лида была гордая. Штамп в паспорте у неё стоял. Общественность знала, какой Славик козёл — бросил беременную жену. Так что наша Лида ходила с гордо поднятой головой и торчащим животом. «Выкусите, бабули-сплетницы!».

Она даже пригрозила Славику, что отрежет ему его единственное достоинство — чисто в образовательных целях. Славик поверил. Он вообще был человеком верующим.

Но Лида его... простила. Ну, испугался мужик, бывает. Она и одна вырастит. Тем более, надо уточнить: дети были не Славины. Но об этом никто не знал. Тсссс... Папой был тот самый моряк... Сергей... который где-то там, на дне Тихого океана... Грустно. Но книга у нас не о грустном. Она о вечном... о любви то есть.

В общем, наша Лида — женщина со стержнем. А куда деваться, если на тебе двое детей, мама-пенсионерка и нет мужа?

Она отдала детей под присмотр — сначала своей матери, потом государству в виде садика, а затем и школы. А сама... А сама включила режим «ломовая лошадь» и начала пахать. Так и вышла в люди — с вечной усталостью, но с престижной работой и квартирой.

И вот теперь наша Лида — уважаемый в городе человек. Живёт в отдельной трёхкомнатной квартире. Без мужа, но с сомом по имени «Сергей» (да, она и рыбу назвала в честь своей первой любви – дамой она была романтичной... иногда) и двумя восемнадцатилетними оболтусами, которые пытаются учиться и занимаются футболом. Пытаются они, надо сказать, вполне успешно — поступили в институт физкультуры и спорта. Сами. И на бюджет. А потому что, если бы не поступили — жить бы им на вокзале. Или на лавочке. Или... в общем, выбор мест для бездомных оболтусов в городе-миллионнике огромен. А Лида — не благотворительный фонд.

И вот эта самая женщина со стержнем и с двумя восемнадцатилетними нахлебниками решила, что пора бы и ей обзавестись мужем. А то получается: Лера — при муже, Ира — при муже, а она, Лида, — при работе. Непорядок.

В поле её одинокого (пока что) зрения попал новый заведующий отделением хирургии. Мужчина высокий, серьёзный, умный — с длинными тонкими пальцами, идеальными для того, чтобы держать скальпель... или что-то ещё.

Ох, как завораживали её эти пальцы! Она такое представляла, что если бы была восемнадцатилетней девственницей, то, наверное, краснела бы... Хотя нет. Не краснела. Лида вообще никогда не краснела и никогда не смущалась. А сейчас, достигнув самого что ни на есть расцвета, смущаться как-то уж и не по возрасту.

В общем, наша Лида решила брать быка за рога. А точнее — Аркадия Петровича за грудки и женить его на себе.

Мужчина, конечно, её моложе на пять лет, но это ерунда. В сердце-то наша Лида не больше тридцати! Кроме того, этот самый Аркадий Петрович как-то очень энергично убегал от нашей Лиды при каждом её предложении попить кофе или поесть пирожков. Что Лиду начинало дико злить. Какая дерзость с его стороны!

И последнее: её безумно раздражало, что её будущий муж позволяет себе пялиться на декольте медсестёр. Зачем он портит девочкам жизнь? Ведь Лида со стержнем — она и ядерную войну на рабочем месте организовать может. Так что ходить Аркадию Петровичу холостым оставалось недолго.

Лида подошла к моряку. Проверила его пульс, давление... Всё в норме. Красивый мужчина, чертяга. Поправила одеяло — чисто профессиональный жест — и вышла из палаты.

Её манил запах кофе, исходивший из ординаторской. И если ей повезет, там будет Аркадий Петрович. А если очень повезет — Аркадий Петрович будет один. И его длинные пальцы будут свободны... для кофейной чашки, разумеется. Пока что.

Глава 3

Запах кофе в ординаторской был гуще, чем атмосфера на совещании у главврача после сокращения финансирования.

Лида замерла на пороге, совершая мгновенную разведку: пустое кресло, чей-то забытый смартфон, стопка историй болезни, недопитый кофе... и вот он — Аркадий Петрович. Один. Сидел, уткнувшись в монитор с такой сосредоточенностью, будто разгадывал не медицинскую карту, а прогноз погоды на курорте, куда он явно не собирался.

Лида быстрым шагом, отработанным за годы обходов, подошла к его столу. Без лишних раздумий присела на край. А что? В фильмах всегда с этого всё начинается. Приблизила свою белокурую головку к лицу Аркадия Петровича.

Тот сначала заморгал, потом задышал с таким усилием, словно пытался вдохнуть жизнь в пациента на последней стадии. Господи... Нежный какой.

Схватился за крышку ноутбука и захлопнул её с такой скоростью, будто это была не медицинская статистика, а папка с подписью «строго для моего личного позора». Проворно, однако! Но не настолько, чтобы Лида не успела разглядеть на экране... сосок и бедро. Ммммм. А наш Аркадий Петрович проказник! Смотрит на порно-фото вместо того, чтобы работу работать.

— Кофейком угостите? — прозвучал её голос, пропитанный лёгкой хрипотцой. — А то пить очень хочется. И не только кофе, — добавила она с намёком, который мог бы расшифровать даже Петров.

Аркадий Петрович вздрогнул, как пациент после дефибриллятора. Его пальцы — те самые, длинные и тонкие, способные зашить аорту и разбить женское сердце одним движением, — беспомощно замерли в воздухе.

— Лидия Ивановна. Я просто... Конечно... — пробормотал он, словно пытаясь вспомнить, как дышать без инструкции.

Лида обрадовалась, прыгнула со стола на стул.

Пока Аркадий Петрович колдовал с чашкой, чайником и банкой быстрорастворимого кофе (видимо, его представление о роскоши заканчивалось на «3 в 1»), она расстегнула верхнюю пуговичку своего врачебного халата. А что? Раз такая возможность...

Аркадий Петрович повернулся с кофе. Аркадий Петрович замер с кофе. Он весь как-то напрягся, а потом немного дёрнулся — точь-в-точь как пациент, которому внезапно вернули пульс.

Ага, впечатлился, подумала Лида. Ну что сказать... У неё действительно было чем впечатлить. Врачебный халат, надетый на голое тело и слегка приоткрывающий четвертый размер бюста, — тут каждый дёрнется.

— Дышите, Аркадий Петрович, — мягко проговорила Лида и забрала чашку у смущённого начальника отделения. — А то придется вам делать искусственную вентиляцию лёгких.

Аркадий Петрович нервно провёл освободившейся рукой по волосам. Лида мысленно добавила ему +1 к шкале симпатии — волосы густые, седина благородная. Не то что у Славика, который уже в 25 лет напоминал пуделя после химиотерапии.

Так они и сидели: пили кофе. Точнее, пила Лида, а Аркадий Петрович нервно блуждал глазами по кабинету, раз за разом натыкаясь на расстегнутую пуговицу халата. И каждый раз, натыкаясь, начинал нервничать ещё сильнее. «И этот овощ...» — с тоской подумала Лида. Ну, как говорится, что есть, то и надо брать. А то так разберут всех более-менее приличных, и останутся опять одни Славики.

— Вы прекрасная мать, — неожиданно выдавил Аркадий Петрович.

Лида замерла. О, как! Удивил! Решил перейти на детей, чтобы смягчить напряжение? Ну-ну, малохольный...

— Замечали? — она привсталась и наклонилась корпусом к Аркадию Петровичу.
Быстро. Резко.

А Аркадий Петрович замер и смотрел. Нет, не в глаза смотрел... Ниже... Туда, где два полушария явно не имели отношения к мозгу.

Глазки Аркадия Петровича как-то сразу заболели косоглазием. Лида заметила. Немного встряхнула «полушариями». А Аркадий Петрович как подскочит, как побежит... к двери! А дверь — раз! — по лбу...

Аркадий Петрович стоит, трёт лоб и таращится на Петрова... Да-да, того самого, который в морг отправил живого, а мёртвого — в палату. Было весело. Особенно трём пациентам, которые в это время были в палате... и обедали... Правда, недолго.

— Лидия Ивановна! Там пациент в 304-й палате... — начал Петров, но был тут же перебит.

— Умер? — спросила Лида, не отрывая взгляда от Аркадия Петровича.

— Нет! Он... он жалуется на качество питания!

— Смерть подождёт, — вздохнула она театрально. — А вот диета — нет. Разберитесь, Петров. Или хотите, чтобы я лично объяснила ему принципы лечебного питания?

Петров исчез так быстро, будто его и не было.

Лида вернулась к Аркадию Петровичу, который всё ещё стоял, потирая лоб.

— Где мы остановились? Ах да... Вы собирались пригласить меня на ужин. Или хотя бы на кофе вне стен этого храма болезней и формальдегида.

Он молчал. Его внешний вид кричал о том, что он ничего не хочет. Ни сегодня, ни завтра, ни через сто лет. А вот Лида хотела. И потому согласилась. Да так и сказала:

— Я согласна, Аркадий Петрович! У нас с вами сегодня ужин в ресторане «Барокко». В семь буду ждать вас у моего подъезда, адрес вам сейчас пришлю. (Послышалось пиканье телефона.)

Аркадий Петрович больше не моргал. Не дышал. Он вообще перестал функционировать.

А Лида... А Лида, как подобает шикарной сорокапятилетней женщине, поцеловала его в гладкую щёку и выпорхнула в коридор.

Отношения и свадьба — это, конечно, хорошо. Но ей и работой заняться нужно. А то вон, оказывается, моряк в себя пришёл, да ещё и еды просит. Чертяга!

Глава 4

Лида выпорхнула из ординаторской с чувством выполненного долга.

Наконец-то прогресс в личной жизни! Правда, Аркадий Петрович выглядел так, будто только что пережил не романтическое приглашение, а внеплановую операцию без анестезии. «Ничего, — мысленно взмахнула рукой Лида, — очухается. Главное — начать, а там хоть клизмой лечись».

Мысль о клизме вернула её к суровой реальности. А реальность, напомним, требовала разобраться с моряком, который вместо того, чтобы мирно доживать свои дни в коме, вдруг возжелал ожить и вместо овсянки... требовать не овсянку. Наглец.

Она влетела в палату №304 с видом человека, который сейчас объяснит, кто тут главный по тарелкам и капельницам.

Петров уже стоял у койки с видом испуганного хомяка, а моряк... Моряк сидел, обложенный подушками, и с аппетитом уплетал за обе щёки больничную овсянку. Видимо, распробовал.

— Ну что, капитан первого ранга, — начала Лида, подходя к кровати с таким выражением лица, от которого даже самые стойкие пациенты предпочитали притвориться мёртвыми. — Живёшь? Претензии к кухне имеются? Шеф-повар лично явиться не смог, прислал меня. Скажите, гражданин, что вас не устраивает в вашем диетическом рационе? Солью недосолили? Или жизнь не дорога?

Она привычно подошла к мониторам, делая вид, что изучает показатели, но на самом деле стараясь не смотреть ему в лицо. Удивительно. Но что-то рядом с этим моряком ей было как-то некомфортно. Будто перед экзаменом по анатомии, который она когда-то завалила.

Моряк отложил ложку, откинулся на подушки и... внимательно посмотрел на Лиду. Не так, как смотрят на врача. Как смотрят... на призрака. Или на внезапно материализовавшуюся галлюцинацию.

Лида почувствовала на себе этот взгляд и подняла голову. Их глаза встретились. Зеленые, пронзительные, с морщинками у уголков. Знакомые... очень знакомые.

Моряк прищурился, будто пытаясь разглядеть что-то в тумане. Потом резко закрыл глаза, с силой потерев их ладонью, и снова открыл. Смотрел, не мигая. Лида замерла. В голове пронеслись самые дурацкие мысли: «Инсульт? Галлюцинации? Или я сегодня слишком ярко нарасилась? Может, тушь потекла?».

И тогда он произнёс. Тихо, хрипло, но абсолютно чётко:

— Люля?

Мир сузился до точки. До этого слова. До этого проклятого, дурацкого, единственного слова.

Если можно впасть в кому от одного звука, то именно это и произошло с Лидой. Потому как «Люлей» её называл лишь один человек за все её 45 лет... Тот самый моряк... Тот самый Сергей из Владивостока... Отец её оболтусов... Первый мужчина и первая — и, как она потом поняла, единственная — любовь её жизни.

В ушах зазвенело. Ноги стали ватными. Лиду даже немного качнуло. Она инстинктивно схватилась за спинку кровати.

— Лидия Ивановна? — испуганно пискнул Петров. — Вам плохо? Может, вам присесть? Или я... я побегу за нашатырём?

— Побеги! — прошептала Лида, не отрывая взгляда от человека в койке. Это был не призрак. Не мираж. Это был он. Постаревший, исхудавший, с сединой у висков... но ОН.

Сергей. Её Сергей. Тот, кто девятнадцать лет пролежал на дне её памяти, как затонувшая подлодка. И вот он — всплыл. В прямом и переносном смысле.

Он смотрел на неё так, как смотрят на пришествие или исчадие. Накал эмоций был одинаковый, только «выхлоп», как метко подметила Лида про себя, разный. В его глазах читался шок, недоверие и какая-то дикая, животная надежда.

— Люля? — повторил он, и его голос дрогнул. — Это... ты?

Лида сделала глоток воздуха, который словно застрял в горле. Вся её броня из сарказма, чёрного юмора и врачебной циничности дала трещину. Из этой трещины полезли наружу старые, давно забытые чувства: боль, тоска, обида и безумная, дурацкая радость.

Она собрала всю свою волю в кулак. Тот самый стальной стержень, что держал её все эти годы.

— Да, — выдавила она, и голос прозвучал хрипло и неестественно. — Только не Люля. А Лидия Ивановна. Ваш лечащий врач. И если вы закончили с гастрономическими экзерсисами, я должна провести осмотр.

— Петров, — бросила она через плечо вошедшему с нашатырём в палату мальчику, — почему у пациента такая тахикардия? Вы ему что, кофе принесли вместо овсянки? Или новости с того света рассказали?

— Я... я не... — залепетал Петров.

— Выйдите и закройте дверь.

Как только Петров исчез, в палате повисла гробовая тишина. Лида выпрямилась, всё ещё избегая его взгляда.

— Сергей? — наконец прошептала она, сама не веря в то, что говорит. — Я думала... все думали... что ты... погиб.

— Видимо, слухи о моей смерти сильно преувеличены, — с горькой усмешкой сказал Сергей. Его голос, грубый и знакомый, резанул по сердцу.

— Подлодка... авария... — она с трудом подбирала слова.

— Не было никакой аварии, — перебил он. — Было секретное задание... Потом долгий плен... Потом долгожданное возвращение... Я искал тебя, но не нашел.

И это было не удивительно. Ведь когда мальчишкам исполнилось три, Лида, собрав всех (всех – это значит себя, маму и двух сыновей) в течение недели, переехала на ПМЖ в Москву. Её ломовая спина осознавала, что в Москве ей будет проще подняться с колен. И её просчёты не провалились.

Лида рассказала ему это, чего скрывать. А потом они замолчали. То ли пытаюсь осознать это, то ли вспоминая прошлое. Лида уж точно вспоминала... вспоминала свидания на берегу, букет сирени и ванильное мороженое, как он смотрел в её глаза, её первый раз, который случился в его съемной квартире...

В этот момент дверь палаты с шумом распахнулась. На пороге стоял Аркадий Петрович с крайне озабоченным видом.

— Лидия Ивановна! Петров сказал, что вам плохо! Что случилось? — Его взгляд переметнулся с Лиды на Сергея и обратно. — Пациент в сознании? Это прекрасно! Но вы... вы бледная как полотно.

Лида медленно повернулась к нему. В голове крутилось: «Люля... Сергей... жив... Аркадий Петрович... ужин... Барокко...».

Она глубоко вздохнула и сказала то, что говорила всегда, когда жизнь подкидывала ей очередной дурацкий сюрприз:

— Всё в порядке, Аркадий Петрович. — Она вынула фонендоскоп из кармана. — А теперь, гражданин капитан, если вы не против, я всё-таки проведу осмотр. Мне нужно послушать, на месте ли ваше сердце после всего, что оно пережило. А пережило оно, я смотрю, немало.

Она подошла ближе к кровати, глядя прямо в глаза человеку, который когда-то был её жизнью. А потом её смертью.

— И вам, Аркадий Петрович, не стоит здесь стоять. У вас же, кажется, сегодня важная встреча? В семь? — Она бросила на него решительный взгляд. А что? Первая любовь, конечно, хорошо, но за столько лет столько воды утекло. А цель — выйти замуж в 45 — как была, так и осталась. Так что свиданию быть!

Аркадий Петрович, с печальным видом кивнул и ретировался. «Вот, ну чего грустит? — со злостью подумала Лида. — Ему вечер с шикарной женщиной предлагают, а он кочевряжится. Вот как разозлюсь — и домой не отпущу!»

Дверь закрылась. Лида приложила холодный диск фонендоскопа к груди Сергея.

— Дыши, — тихо сказала она. — Не задерживай дыхание.

Они смотрели друг на друга. Десять лет разлуки, двое детей, одна пропавшая подлодка и сломанная жизнь — всё висело между ними в тихом гуле больничной палаты.

— Люля, — снова сказал он.

— Молчи, — перебила она, и её голос дрогнул. — Просто молчи. И дыши. Пока я решаю, что мне с тобой делать. Вариантов, поверь, много.

Но Сергей не лежал и не молчал. Как только Лида закончила свои манипуляции, он резко притянул её к себе так, что она практически легла на него, и впился в её губы жёстким, требовательным поцелуем. Поцелуем, в котором было девять лет тоски, боли и вопросов без ответов.

«Вот это мужик...» — пронеслось в голове у Лиды, пока она не пошла ко дну, сметённая нахлынувшей страстью. Её фонендоскоп с грохотом упал на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.